

Irina A. Kyurshunova

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Center of the RAS,
Petrozavodsk, Russia

Karelian Written Documents as a Source for Studying Deanthroponymic Settlement Names

Voprosy onomastiki, 2020, Vol. 17, Issue 3, pp. 156–185
DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.038

Language of the article: Russian

Кюршунова Ирина Алексеевна

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск, Россия

Памятники письменности Карелии как источник исследования антропонимов

Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 3. С. 156–185
DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.038

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.038
УДК 811.511.112'04 + 811.511.112'373.21 +
+ 003.349

И. А. Кюршунова
Петрозаводский государственный
университет
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
Петрозаводск, Россия

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ КАРЕЛИИ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ АНТРОПОНИМИКОВ*

В статье проводится исследование русскоязычных исторических топонимов Карелии, содержащих в своем составе посессивные компоненты. В качестве материала используются опубликованные и рукописные источники, представляющие четыре Заонежских погоста (Кижский, Толвуйский, Челмужский, Шуньгский), в отдельных случаях в сопоставительном плане привлекаются материалы по другим карельским территориям. Важными для изучения исторической топонимии Карелии признаются также сопоставительные таблицы по названиям поселений, составленные М. В. Витовым и другими исследователями в целях историко-географической и этнографической характеристики региона. В совокупности указанные источники дают возможность проследить структурные изменения в топонимической системе Карелии, выявить особенности изменения и закрепления в ономастическом пространстве наиболее удобных в формальном плане ойконимических единиц. С этой целью в статье с опорой на факты разных хронологических срезов прослеживаются процессы, связанные с изменением количества компонентов названия и выбором посессивных формантов, участвующих в образовании номинации.

* Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания КарНЦ РАН. Автор выражает благодарность И. И. Муллону и Е. Н. Варниковой за ценные консультации при подготовке статьи.

Обращается внимание на то, что в представлении географического объекта в памятнике письменности особую роль играли писцы, которые зачастую создавали номинации, не отражающие живую топонимическую реальность. Как показал анализ, один из компонентов такой номинации — чаще всего посессив — в дальнейшем оказывался наиболее значимым, весомым, поскольку изменялось видение денотативного пространства жителями: проприальная номинация, связанная с отражением особенностей рельефа, проигрывала в количественном отношении названиям, связанным с именем владельца, первопоселенца. При этом в морфемно-словообразовательном плане выбор посессивных морфем (*-ов/-ев, -ин, -ск, -щина*) долгое время был неустойчивым. Структурная «стабильность» топонимов рассматриваемого типа начинает прослеживаться лишь в конце XVII — первой четверти XVIII в. Продуктивность отдельных процессов в ряде случаев носит ареальный характер.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Карелия, памятники письменности, историческая топонимия, ойконимия, отантропонимические названия, посессивы, посессивные форманты.

Вводные замечания

Писцовые, переписные, дозорные книги, частные актовые материалы разных исторических периодов содержат большое количество топонимов. Это названия погостов и входящих в их состав волостей и волосток, деревень, починков, новинок, пустошей, сельскохозяйственных участков (полей, пожен, пашен), рыбных и охотничьих ловель, тоней, варниц, островов, гор, дорог, монастырей, церквей, а также водных объектов: озер, рек и речек, заливов, болот.

Не являются исключением и памятники письменности Карелии. Так, в документах по Обонежской пятине в 1496 г. отмечено более 1 300 географических названий, в 1563 г. — более 4 500, в 1582–1583 гг. — около 3 500, в 1616–1619 гг. — более 1 800. Несколько менее «загружены» топонимами частные деловые документы. Например, в опубликованных актовых источниках XVI в. представлено около 1 000 топонимов [Либерзон, 1990, 285–297], а в источниках XVII в. — около 500 [Мюллер, 1948, 411–427].

Значительную часть этого корпуса составляют ойконимы. Из всего их многообразия заметно выделяются отантропонимические образования — посессивы, структурным особенностям которых посвящено данное исследование. В его задачи входит, во-первых, выявление особенностей состава компонентов посессивных образований, а во-вторых — определение специфики посессивных морфем.

Для проведения исследования из делопроизводственных документов Карелии (опубликованных и рукописных — начиная с конца XV в.) методом сплошной выборки были извлечены топонимы, содержащие компоненты с антропонимическими основами и посессивными словообразовательными морфемами.

Основной иллюстративный материал относится к Заонежским погостам: Кижскому, Толвуйскому, Челмужскому, Шуньгскому. Именно этот регион последовательно, на протяжении нескольких столетий, представлен достаточным

количеством исторических сведений, необходимых для всестороннего анализа топонимических номинаций. Кроме официально-деловых источников, использовались сопоставительные таблицы ойконимов, составленные этнографами и историками [Витов, 1962; Витов, Власова, 1974; Воробьева, 2014], в которых наглядно представлена историческая картина заселения Заонежья. Для сопоставления привлекаются материалы по другим погостам Обонежской пятины XVI в., а также данные из списков населенных мест Карелии разных лет, «Свода топонимов Заонежья» [Муллонен и др., 2013], что позволяет выявить сохранившиеся с давних времен элементы современных топосистем региона.

Нельзя сказать, что структурой ойконимов, засвидетельствованных в памятниках письменности Карелии, до сих пор никто не интересовался. Так, Л. П. Михайловой [1985] проводился анализ структуры названий населенных пунктов и земельных угодий на территории Карелии, бытовавших в актовых материалах с XV в. и сохранившихся вплоть до XX в. Значительный временной диапазон включает исследование топонимии Обонежья и Беломорья, проведенное А. В. Приображенским [2013]. Отдельные посессивные морфемы, известные в Карелии с древнейших времен до настоящего времени (*-ичи, -ицы, -щина*), рассмотрены И. И. Муллонен [1996; 1999] и Д. В. Кузьминым [2003].

Поскольку отантропонимические названия соотносятся с категорией посессивности, возникает вопрос о том, насколько точно и как обозначено поле посессивности в памятниках письменности. В этом отношении для нас ценны работы Б. О. Унбегауна [1977], Р. Мароевича [1989; 1997], С. Н. Смольникова [2002; 2005], Ю. И. Чайкиной [2003], Е. Н. Ивановой [2013; 2017], акцентирующие внимание на структурных типах посессивов, их формально-грамматическом и семантическом представлении в языке, а также на полицентричности категории принадлежности и, как следствие, на выделении центра и периферии, где центром являются предикативные и атрибутивные конструкции, а периферией — производные прилагательные.

Среди критических суждений, которые высказываются в связи с исследованием посессивности в ономастике, мы считаем особенно значимым замечание С. Н. Смольникова о том, что ономастические единицы анализируются преимущественно с формальной точки зрения. Таким описаниям «свойственен атомарный подход: собственное именование часто рассматривается не как функциональное целое, а как набор отдельных самостоятельных элементов, соединенных друг с другом по определенной формальной модели» [Смольников, 2002, 8]. Действительно, посессивные ойконимы как элементы ономастических пространств разных территорий и разных временных периодов представлены во всех исследованиях по топонимии, но анализ их сводится в основном к презентации посессивных морфем и выявлению списка мотивирующей именной базы названий. В целом соглашаясь с точкой зрения С. Н. Смольникова, мы все же считаем возможным привлекать к исследованию не только посессивные

конструкции с различным компонентным наполнением, но и отдельные элементы таких конструкций, построенные с помощью словообразовательных формантов принадлежности.

Общеизвестно, что топонимы посессивного типа являются достаточно древними, устойчивыми и продуктивными. Их актуализация происходит в периоды массового заселения территорий с целью обозначения границ владения (проживания или хозяйственного использования). Развитие частного землепользования, которому на севере Руси способствовало отсутствие крепостного права, приводило к тому, что каждый земельный надел, участки рыбных ловель, охотничьих угодий и пр. имел владельца не только среди земцев, но и среди крестьян и в большинстве случаев получал название, связанное с именем хозяина.

Начнем с количественных показателей, отражающих наличие посессивов в деловой письменности. Согласно подсчетам, в Заонежских погостах, несмотря на количественные колебания по разным временным срезам, численность отантропонимических названий была достаточно велика — см. табл. 1 [Витов, 1967, 81–83]¹.

Таблица 1

Названия посессивного типа в погостах Заонежского полуострова, %

Погост	1496	1563	1583	1616	1620	1628	1647	1678	1718	1720	1788
Шуньгский	18	31	44		47	45	47		63	53	54
Кижский		35	42	39		40	38	36		34	44
Толвуйский		39	47		30	50	50	45		82	73
Челмужский		47	54		60	61	59			33	47

О высоком проценте употребительности посессивных названий от общего числа наименований на территории бывшего Московского государства говорит Л. П. Матей, ср.: XIV в. — 65 %, XV в. — 7 %, XVI в. — 68 %, XVII в. — 75 %, XVIII в. — 70 %, XIX в. — 64 %, начало XX в. — 63 %, 1920-е гг. — 56 %, 1950–1980-е гг. — 63 % [Матей, 1987, 46].

Показательна и статистика продуктивности посессивного типа в ойконимии современных топонимических систем, ср.: Пензенская обл. — 40 %, Западная Сибирь — 63 %, вепсская ойконимия — 50 %, Среднее Посухонье — 60 % [Варникова, 1999, 125]; Вологда — 53 % [Монзикова, 2004, 14]²;

¹ При подсчете названий поселений по типам (посессивному, локативному, качественному) М. В. Витов включал топоним, состоящий из нескольких компонентов, сразу в два типа, не выделяя отдельно переходные (смешанные локативно-посессивные и качественно-посессивные) типы. Этот принцип сохранен при подсчетах и в данной статье.

² Ср.: 78 % в топонимии Вологодского уезда в XVII в. [Монзикова, 2004, 10].

Брянская область — 51 % [Рогонова, 1991, 11]; белорусское Поозерье — 62,3 % [Васильева, 2013, 46]³.

Возникновение топонимов данного типа относят к древнерусскому периоду, хотя сама категория посессивности сложилась еще в праславянскую эпоху. На территории Карелии посессивные топонимы закрепились в XIV в. (возможно, в XIII в.) благодаря появлению в регионе оседлого населения из Новгорода и Пскова. При его смешении с прибалтийскими финнами появился «особый слой билингов», рано перешедший на восточнославянский тип речи, — это убедительно доказано А. С. Гердом по крайней мере для Заонежья [Герд, 1979, 212]. По этой причине на разных языковых уровнях возникали гибридные образования, отразившиеся в том числе в антропонимии и топонимии региона. Они по-разному понимались и адаптировались писцами.

В структурном плане посессивные названия поселений неоднородны. В данной работе мы рассматриваем их с двух сторон: с точки зрения количества компонентов и с морфемно-словообразовательных позиций⁴.

1. Структурные особенности ойконимов, содержащих посессивный компонент

Сначала представим структурный анализ ойконимов в зависимости от количества компонентов, входящих в название. В этом отношении выделяются одно-, двух-, трех- и многокомпонентные модели — см. примеры, извлеченные из Писцовой книги Обонежской пятины 1563 г. [ПКОП], в табл. 2.

Таблица 2

Примеры ойконимических моделей с отантропонимическим компонентом

Модель	Примеры
1	д. <i>Гуреевская</i> , пог. Кижский; д. <i>Ребуево</i> , пог. Андомский
2	д. в губе ж <i>Кудряцовская</i> , пог. Толвуйский
3	д. на Волко-острове <i>Ивашковская Хромцова</i> , пог. Кижский
4	д. на берегу ж на Мегре <i>Михалковская Старостина</i> , пог. Мегрежский
5	д. на Ояти на берегу <i>Белбяковская Иванова сына Скобелцына</i> , пог. Ярославический

³ Отметим, что не все регионы дают такие показатели. Так, в Восточном Забайкалье отантропонимических названий около 27 % [Федотова, 2012, 27], на Гродненщине — 10,5 % [Васильева, 2013, 46, со ссылкой на С. А. Янушкевич].

⁴ Вопрос о производящей основе посессива в данной статье затрагивается лишь частично, поскольку требует отдельного анализа.

Окончание табл. 2

Модель	Примеры
6	д. <i>пониже выставки на Видлице речке Филиппово посиденье</i> , пог. Олонецкий
7	д. <i>на Тудо-озере Половниковская Борисков след Половникова да Демешкин Половникова</i> , пог. Андомский
8	д. <i>в Степковичах же Родивонков след Юшкова да Ивашика Петрова да Микифорка Петрова</i> , пог. Вытегорский
9	д. <i>Микифоровская Хмелева на Коневом острове на Лукинской трети Федковской след Фомин</i> , пог. Кижский
10	д. <i>на Водле реке над Воибучем порогом у часовни Ивашиков след Корвеев да сына его Окулка</i> , пог. Пудожский
11	д. <i>на Онежском озере на Муромской речке на Тетеревинце на Кюле Деменковский след Феткова да Олешкова Олкова</i> , пог. Андомский

Подобные многокомпонентные номинации отражены и в документах более поздних периодов, ср. названия поселений Кижского погоста⁵:

1582–1583 гг. — д. *Яковлевская Тетюхина на Святом наволоке, Шулятниковская* [Чернякова, 1993, 147]; д. *на Сенной ж губе Дмитриевская в Гарничах, Ванина* и др. [Там же, 152];

1616–1619 гг. — д. *на Кижском острове Большой двор Левонтьевская* [Чернякова, 2020, 318]; д. *Ерофеевская и Ивана Тутыхина на Волк острове* [Там же, 322]; д. *Кондей Наволок Кирилловская* [Там же, 331];

1631 г. — д. *на Кижском острове Окуловская у погоста* [РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 308, л. 385]; д. *на Кижском же острове в наволоке Федки Бочюрина* [Там же, л. 391];

1646 г. — д. *Иерофеевская Якова Бутилина на Волк острове* [Коновалов, 2004, 87]; д. *на Сенной губе Михайловская у часовни* [Там же, 91]; д. *на Сенной губе в Великой губе на Губ наволоке по обе стороны по погостом Филипповская* [Там же, 94];

1678 г. — д. *на Святе озере на горки Потанинская* [Витов, Власова, 1974, 71]; д. *на Сенной губе Юхновская да Федотовская* [Там же, 75]; д. *в Тарбицах Ефимовская на Черном наволоке* [Там же, 83];

1720 г. — д. *Филипповская в Великой губе Онега озера* [Витов, Власова, 1974, 78]; д. *Гулнева и Моглецова на Великой Губе* [Там же, 81].

⁵ Такие названия фиксируются и в XIX в., и в первой четверти XX в. в списках населенных мест, ср.: 1879 г. — д. *на горе Матвейки Постникова*; д. *Гринкинъ следъ Кондратьевская*; д. *на оброчной земле на Кобиковом ручье*; 1905 г. — д. *Большой двор Князева*; д. *Горбачева у двух рек*; д. *на сянезь ручье Гришки Борисова*; д. *Боярская гора Зыбина*; д. *по Лексе реке Доценикова*; д. *Часовенская у Пречистой, Истомино* и др.

Как можно видеть, посессив в таких названиях не всегда является единственным или главным в грамматическом и семантическом планах. Чем длиннее номинативная конструкция, тем больше в ней локативных компонентов (помимо посессивных составляющих), необходимых для выражения пространственных отношений, первоначально основных в сфере ойконимии.

С одной стороны, можно согласиться с тем, что подобные названия поселений находятся в стадии становления, их окончательный вид не оформился, отсюда разнообразие моделей и конкретных формул названий. Усложнение структуры ойконимов в данном случае обусловлено включением в их состав различных антропонимических составляющих, относящихся к одному, реже двум или нескольким жителям (родственникам или соседям-совладельцам), ср. в 1563 г.: д. на *Кресной же горе Фомкин след Семенова да сына его Микифорика да суседа их Фофаника*, пог. Андомский [ПКОП, 195]; д. на *Реbove горе ввопчи з дядею его с Путилом, на Васильеве половине*, пог. Ярославичевский [Там же, 249]; поч. на *Ножеме ж реки на горе промеж Евшаковых детей и Строевых Потанков след Есипова*, пог. Оштинский [Там же, 234]. Закономерно допустить, что такие номинации вызваны необходимостью точной идентификации субъектов налогообложения для сохранения преемственности при смене владельца крестьянского двора.

С другой стороны, возникают сомнения в том, что в разговорной речи многокомпонентные номинации (начиная с трехкомпонентных) реально существовали, поскольку это нарушало бы принцип языковой экономии.

Понятно, что сложные конструкции названий поселений — черта письменной речи старорусского языка, а именно те относительно возможные нарушения формульных правил, к которым могли прибегать писцы при оформлении документов⁶. Некоторые номинации позволяют предполагать вмешательство писцов, а некоторые — прямо ее усматривать, например в случаях контаминации старых и новых названий, где последнее название передается через включения типа «словет», «ныне словет», «ныне», «зовут», «тож», ср.: д. в *Кондушах же, а ныне ей зовут Кичкоевым*, пог. Пиркиничский, 1563 г. [ПКОП, 77]; д. на *Толвуе ж Остафьевская Торасовская, Овчинникова тож*, пог. Толвуйский, 1582–1583 гг. [Чернякова, 1993, 180]; д. *Каргеева, Васильевская тож*, пог. Шуньгский [Там же, 186]; д. в *Паханичах же, словет на Прикосовщине, а ныне Манухина*, пог. Кижский [Чернякова, 1993, 147] и т. п. Обычно количество компонентов после перечисленных включений равно одному, хотя вероятны также обратные процессы, когда и новые названия писцы преобразовывали в многокомпонентные: д. на

⁶ Одним из свидетельств того, что реальное название могло быть иным, нежели представленное в документе, и что к этому приложили руку писцы, является высокая вариативность номинаций. Примеры такой вариативности в письменных памятниках Карелии уже рассматривались М. В. Витовым (*Куйдушева / Кайбышево / Кабышево / Кайбушева / Кудушево* и т. п.) и объяснялись описками, а также освоением субстратных названий русскими [Витов, 1967, 76–78].

Сенной губе, а **ныне словет** в Великой губе на Гуд-наволоке **Филипповская**, пог. Кижский [ПКОП, 133].

Кроме того, отдельные языковые факты, фиксируемые в памятниках, также подтверждают предположение о том, что реальная топонимическая система была несколько иной, чем в документах, — см. примеры в табл. 3.

Таблица 3

Сравнение разных номинаций одного объекта

Вариант 1	Вариант 2
д. Шесниковская на Свери , пог. Пиркинический, 1563 г. [ПКОП, 85]	в Пиркиническом же погосте в деревне в Шесникове четверть обжи земца Васюка Лукина сына Захарова [ПКОП, 85]; заложил в той деревне в Шесникова четверть обжы [ПКОП, 85]
д. в губе ж словет Онаньинская Струйкова , пог. Челмужский, 1563 г. [ПКОП, 166]	и та пустош Онаньинской же деревни в потуг [ПКОП, 166]
д. на Шусть же ручью словет Кипровская , пог. Оштинский, 1563 г. [ПКОП, 227]	поч. на Шусть же ручью пашет наездом Июдка да Власко Селивановы из деревни из Кипровы [ПКОП, 223]

Эти иллюстрации показательны в том плане, что один и тот же объект имел номинации, различные по количеству компонентов и выбранных посессивных морфем. Примеры однокомпонентных названий, выделенные во второй колонке, представляют, на наш взгляд, более вероятную форму функционирования ойконима в устной речи.

Еще одним доказательством некорректной подачи названий поселений в официально-деловых документах являются актовые материалы (данные, купчие, жалованные и прочие грамоты), написанные частными лицами в те же периоды: в этом типе источников используются в основном одно- и двухкомпонентные модели наименований поселений. Стоит, правда, заметить, что и в актовых документах встречаются развернутые номинации, однако они единичны. Например, в деле об отводе земли 1663 г. несколько раз с вариантами фиксируется название д. *Варлилы* Олонецкого пог., ср.: «А есть, государь, у нас же во владении старинной наш коновечной деревенской участок **в деревни в Нижном Авакумове, а Давыдово тож, на реки ж на Мегре**» [Мюллер, 1948, 157]; «в Олонецком погосте **деревня Нижнее Авакумово, а Давыдово тож, что называют Варлилой, на реке на Мегре**» [Мюллер, 1948, 159]. Далее в документе перечисляется ряд близлежащих поселений, названия которых включают один компонент: д. *Кангасово* (Кангасовская), *Тергала* (Тергола), *Ришкала* (Рышкала), *Онкула*, *Манелица*,

пуст. *Нарядовская (Нарядниковская)*, причем указанное многокомпонентное название также редуцируется до одного компонента: д. *Варлила (Варлилица, Варлиница, Варлилская)* [Мюллер, 1948, 157–165].

Вообще «чистые» однокомпонентные отантропонимические ойконимы в памятниках письменности довольно редки. Так, в 1563 г. их всего 491 единица, или 17 % всех представленных посессивов. В дальнейшем процент однокомпонентных антропоойконимов растет. Изменения в их численности на протяжении четырех столетий по отдельным погостам Заонежья отражены в табл. 4.

Таблица 4

**Отантропонимические номинации и однокомпонентные посессивы
в погостах Заонежья, %**

Год	Кижский погост		Толвуйский погост		Челмужский погост		Шуньгский погост	
	отантр.	1-комп.	отантр.	1-комп.	отантр.	1-комп.	отантр.	1-комп.
1496							18,7	55,5
1563	63	30	60	44,6	86	47	43,6	38,4
1582–1583	67	18	94	9,6	89	9,7	66	17,5
1616–1617	67,5	10,4						
1620			77,8	11,7	81	37	79,7	15,7
1628–1629	68	11,4	85	24	90	10,8	78	7,75
1646–1647	64	8,3			87	15	77,6	13,8
1678	56,8	10,4	66	6				
1718							62,6	89,5
1720	42,5	47	85	92,4	37,5	66,6	61,5	82
1782	41	76	67	93,6	45	88,8		
1788	46	71,6	64,5	90	47	87,5		
[КГМ]							60	79,7

Совершенно очевидно, что в официально-деловых документах однокомпонентная модель становится устойчивой и соответствующей ее реальному функционированию только к XVIII в. До этого времени количество «официальных»

однокомпонентных номинаций незначительно. В погостах Заонежского полуострова лишь пять топонимов на протяжении четырех столетий являлись однокомпонентными, несколько варьируя свой фонетический и морфемный облик:

▪ *Куздосово*, 1496 г. — *Кулдуево*, 1563 г. — *Кулдосово*, 1583 г. — *Кулдусово*, 1620, 1647, 1718 гг. — *Кондусово*, 1628 г. — *Кулдасово*, 1720 г.; пог. Шуньгский [Витов, 1962, 228–229];

▪ *Корзина*, 1620 г. — *Кярзина*, 1720 г. — *Кярзинска*, 1782, 1788 гг.; пог. Толвуйский [Витов, Власова, 1974, 29];

▪ *Судоровщина*, 1620, 1628/29, 1678 гг. — *Сероводщина*, 1647 г. — *Сидорова*, 1728, 1788 гг.; пог. Толвуйский [Витов, Власова, 1974, 45];

▪ *Гирцова*, 1583, 1678 гг. — *Гирцово*, 1616–1617, 1628–1629, 1720 гг. — *Гирзово*, 1646–1647 гг. — *Герцова*, 1782, 1788 гг.; пог. Кижский [Витов, Власова, 1974, 67];

▪ *Козаревщина*, 1583, 1616–1617, 1628–1629, 1646–1647, 1678 гг. — *Козаровщина*, 1720 г. — *Козыревщина*, 1782, 1788 гг.; пог. Кижский [Витов, Власова, 1974, 67].

Временно будем считать эти названия загадкой: почему от первых записей и до нашего времени они состояли из одного компонента? Возможно, права И. И. Муллонен, которая в личном общении с автором этой статьи высказала предположение о традиции, заложенной однокомпонентной структурой в первом по времени источнике, которая затем воспроизводилась в последующих записях. Однако вопрос о первых записях остается открытым и требует индивидуальных разысканий и решений. Не исключено, что за немногочисленными указанными случаями стояли некоторые общие тенденции, которые далее превратились в закономерность и отражены на обширном материале в документах поздних лет.

Если принимать во внимание только приведенные данные, можно прийти к некорректным выводам о распространении посессивности и ее становлении в регионе. Поэтому для нашего исследования важны в се номинации с антропонимическими элементами, даже если они входят в гибридные названия, совмещающие локативные и посессивные компоненты. О том, что поле посессивности на протяжении нескольких веков было достаточно сильным, свидетельствуют названия, для которых антропонимическую базу можно проследить от первых до «последних» упоминаний топонима в документах:

▪ д. на *Киштове*: (в)⁷ *Микулка Скоморох* (1496 г.) → д. в *Кевтеничах Скоморохово* (1563 г.) → д. в *Кевченицах Скоморохова* (1583 г.) → д. в *Кивченицах Скоморохова* (1620 г.) → д. *Очевченицах Скоморохова* → д. *Очевченица Скоморохова тож* (1647 г.) → д. *Скоморохово* (1718, 1720 гг.), пог. Шуньгский [Витов, 1962, 248–249]. Как бывшая деревня поселение известно до настоящего времени в ономастическом пространстве д. Пабережье Кажемского сельского

⁷Здесь и далее: (в) = в деревне.

совета [Муллонен и др., 2013, 127] (всего, по данным таблиц М. В. Витова, в топонимии Шуньгского погоста 37 подобных примеров);

▪ д. в наволоке под погостом: (в) *Матфейко и Сенка Лустины* (1563 г.) → д. в наволоке под погостом (1583 г.) → *пуст., что б. д. в наволоке под погостом* (1620 г.) → д. в наволоке под погостом, а *Лустино тож* (1628–1629, 1647 гг.) → д. *Лустина* (1720 г.) → д. *Густинска* (1782 г.) → д. *Лустинска* (1788 г.), пог. Толвуйский [Витов, Власова, 1974, 22]. Населенный пункт *Лустинская (Лустинщина)* на неофициальном уровне известен до настоящего времени [Муллонен и др., 2013, 155] (всего в Толвуйском погосте 30 подобных примеров);

▪ д. в Пахиничах *Мечаковская*: (в) *Васюк Иванов Мечаков: (в) Иванко и Васюк Гавриловы дети Мечаковы* (1563 г.) [ПКОП, 129] → д. в Пахиничах *Мечаковская* (1583 г.) → д. в Паховичах *Мечаковская* (1616–1617, 1628–1629 гг.) → д. в Паховичах *Мекасовская* (1646–1647 гг.) → д. в Паховичах *Мечаковская* (1678 г.) → д. *Мечаковская* (1720, 1782 гг.) → д. *Мичиковска* (1788 г.), пог. Кижский [Витов, Власова, 1974, 71] (всего по Кижскому погосту 15 примеров);

▪ д. на Пудосской горе, слово *Кондратовская*: (в) *Якушко Степанов Королев, (в) брат его Кирилко* (1563 г.) [ПКОП, 167] → д. на Пуцкой горе *Кондратовская* (1583 г.) → д. на Пудожской горе *Кондратьевская, а Королевская тож* (1620 г.) → д. на Пудожской горе *Кондратовская, а Королевская тож* (1647 г.) → д. *Королевская* (1720, 1782, 1788 гг.), пог. Челмужский [Витов, Власова, 1974, 114] (всего по Челмужскому погосту два примера).

Как видно по этим и другим случаям, в памятниках письменности Карелии отантропонимическое название в структуре топонимической номинации практически всегда контаминировало с локативными компонентами. В такой номинации посессивный компонент выполнял дополнительную идентифицирующую функцию, разграничивая объекты, находящиеся в непосредственной близости друг от друга, и тем самым определяя гнездо (куст) деревень, что выявлено М. В. Витовым [1967, 75–90].

Представим небольшой фрагмент такого гнезда деревень в Кижском погосте (1563 г.) [ПКОП, 125], где именно отантропонимное название (выделено жирным курсивом) выполняет различительную функцию:

- д. в *Типиницах* слово *Ермолинская*;
- д. в *Типиницах* же слово *Окуловская*;
- д. в *Типиницах* же слово *Грихновская Мужуева*;
- д. в *Типиницах* же *Еремеевская*;
- д. в *Типиницах* же слово *Прохновская*.

Начальный локативный компонент — в *Типиницах* — во всех представленных в данном гнезде названиях со временем перестал выполнять функцию объединяющего начала; его положение по отношению к отантропонимному элементу становилось неустойчивым, подвижным; менялся и статус отдельных поселений, ср. в 1582–1583 гг. [Чернякова, 1993, 149]:

д. *Прохновская* на берегу в *Типиницах*;
д. *Еремеевская* у часовне в *Типиницах*;
д. *Гауново Мужава* у часовне в *Типиницах*;
д. в *Типиницах* *Окуловская*;
[пуст., что была д. *Ермолинская*].

Думается, перестановка компонентов не играла особой роли, однако смещение акцента на владельца, вероятно, влияло на то, что к концу XVIII в. локативный компонент — в *Типиницах* — в представленных номинациях редуцируется⁸, чаще всего сохраняясь, по мнению М. В. Витова, лишь в официальной топонимии как название гнезда поселений [Витов, 1967, 79]. Таких примеров в таблицах М. В. Витова, И. В. Власовой [Витов, 1962, 228–289; Витов, Власова, 1974, 22–142], С. В. Воробьевой [2014, 237–247] достаточно много. Отантропонимное название как бы находится в локативной зоне, но становится со временем более сильным компонентом номинации, отражая при этом реальное функционирование названия в речи.

Вообще XVIII в. (возможно, середина XVII в.) — та временная граница, после которой не только происходит упрощение многокомпонентных наименований, но и наблюдается «смена номинаций», факты переименования: название поселения, казалось бы, внезапно получает совершенно иную производящую основу.

В это время в топонимии Заонежского полуострова документально подтверждаются следующие процессы.

1. Локативное название превращается в посессивное, ср.: д. у *Бол(ь)шого двора на Подоле* (1496, 1563, 1583, 1620 гг.) // д. у *Большого двора* (1628 г.) // д. у *Бошеного двора на поле* (1647 г.) → *Гоголева* (1718, 1720 гг., [КГМ]), пог. Шуньгский [Витов, 1962, 228–229]. Вполне возможно, что в данном случае основой посессива стало имя / прозвище одного из поздних владельцев. Это явление в большей степени отражено в записях по Толвуйскому и Кижскому погостам начиная с 1563 г.; в Шуньгском погосте, описанном уже в 1496 г., практически все посессивы имели на первой ступени локативное «окружение».

2. Одно отантропонимическое название поселения меняется на другое, ср.: д. на *Толвуге Семеновская Дедова* (1563, 1583, 1620, 1628–1629, 1647 гг.) → д. *Самсоновская* (1720, 1782, 1788 гг.), пог. Толвуйский [Витов, Власова, 1974]. Этот процесс единично представлен в Кижском и Челмужском погостах, в документах Толвуйского погоста он чаще всего обозначен 1620 и 1628 гг. В Шуньгском погосте, давшем наибольшее количество примеров в 1563 г., это явление, напротив, отмечается единично в 1620 и 1628 гг. и активно представлено с 1718 г., ср.: д. на *Кошкине острове словет Ларковская* (1563 г.) // д. *Кошкине острове словет Лорковская* (1583 г.) // д. *Кошкине острове словет Лорковская Раковская*

⁸ В современной топосистеме Заонежья локативный компонент фиксируется как отдельная номинация поселения: *Типиница* (*Типиницы*) [Муллонен и др., 2013, 80].

тоже (1620 г.) // д. на Кошкине острову **Раковская** (1628, 1647 гг.) → д. **Одинцова** (1718, 1720 гг., [КГМ]) [Витов, 1962, 232–233]. Всего засвидетельствовано 28 подобных примеров.

Понятно, что новые номинации появились намного раньше, чем это указано в источниках. Так, в последнем случае «новое» название могло появиться уже в XVI в., ср. запись 1563 г.: в д. на Кошкине острову *словет Ларковская* жил крестьянин *Фефилко Федоров Одинец* [ПКОП, 148–149]. В 1582–1583 гг. за деревней на Кошкине острову *Лорковской* записаны дети Фефилки Федорова Одицца: *Ивашко Одиццов, Якушко Одиццов, Фомка Одиццов* [Чернякова, 1993, 184–185]. Фиксируются потомки Одиццовых и в 1616–1619 гг.: д. на Кошкине острову *Раковская: (в) Иванко Одиццов* [Чернякова, 2019, 71]. Далее патроним в переписях не отражался, но, видимо, продолжал существовать неофициально, поскольку в XVIII в. закрепился в названии поселения; до настоящего времени известна д. *Одинцова* в пределах населенного пункта Вершуньга Кажемского сельского совета, относящегося к Шуньге [Муллонен и др., 2013, 121]. Конечно, в состав названий на протяжении столетий оказались включенными и другие компоненты: *Ларковская (Лорковская)*, а позже еще и *Раковская*. Компонент *Ларковская* также соотносится с именами крестьян: в 1563 г. фиксируется *Филька Лариванов*, 1627–1629, 1631 гг. — *Екимко (Якимко, Акимко) Ларионов* [Коновалов, 2004, 52; РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 308, л. 254об.]. Патроним возможно связывать с формой личного имени *Ларка* (от *Ларион*), истоки компонента *Раковская* прояснить не удалось.

3. В ряде случаев происходило забвение имени первопоселенца, что рождало многочисленные варианты названий поселений — см. примеры в табл. 5.

Таблица 5

Варианты антропонимических названий поселений в погостах Заонежья

Антропоним-этимон	Варианты посессивных компонентов
<i>Мишкаревы</i> , пог. Шуньгский, 1563 г.	<i>Мишкарево</i> (1620), <i>Мишкалева</i> (1718, 1720), <i>Шшишкарева</i> [КГМ]
<i>Ергачев</i> , пог. Шуньгский, 1563 г.	<i>Ергачева</i> (1718, 1720), <i>Дергачева</i> (1628, 1647 [КГМ])
<i>Онтуев</i> , пог. Шуньгский, 1563 г.	<i>Онтуево(-а)</i> (1563, 1583), <i>Онтуфева</i> (1623), <i>Олтуфьевская</i> (1628), <i>Онтуфьевская</i> (1647), <i>Антонова</i> (1718, 1720), <i>Антова</i> [КГМ]
<i>Тарутин</i> , пог. Толвуйский, 1563 г.	<i>Тарудна (Тарутинская)</i> (1620), <i>Тарутино (-а)</i> (1647, 1720), <i>Старутинска</i> (1782)
<i>Клуб</i> , пог. Толвуйский, 1563 г.	<i>Клобуково</i> (1628–1629, 1647), <i>Клубова</i> (1720), <i>Клубовска</i> (1782)

Окончание табл. 5

Антропоним-этимон	Варианты посессивных компонентов
<i>Шадрин</i> , пог. Толвуйский, 1563 г.	<i>Шадринская</i> (1620), <i>Шиширинская</i> (1628–1629, 1647), <i>Шавронская</i> (1720), <i>Шадровская</i> (1782)
<i>Рохкачев</i> , пог. Толвуйский, 1563 г.	<i>Рыкачева</i> (1628–1629, 1647), <i>Ровкачева</i> (1720), <i>Рахначевская</i> (1782), <i>Рахкачевская</i> (1788)
<i>Мишалева</i> , пог. Толвуйский, 1563 г.	<i>Михалевская</i> (1583), <i>Мишалевская</i> (1620), <i>Мишевых</i> (1628–1629, 1647), <i>Мишалева</i> (1720), <i>Мишелево</i> (1782, 1788)
<i>Потахов</i> , пог. Кижский, 1563 г.	<i>Потаховская</i> (1563), <i>Потафьевская</i> (1583, 1616–1617, 1628–1629), <i>Потатьевская</i> (1647–1648), <i>Потавская</i> (1678), <i>Потановская</i> (1720, 1782, 1788)

Подобных примеров в памятниках достаточно много — они появлялись вследствие различных языковых изменений, происходивших в речи самих жителей, а также в результате некорректной подачи местного материала писцами. Однако современная топонимическая система Заонежья — на официальном и неофициальном уровнях — большей частью представлена примерами, которые свидетельствуют о сохранении названий, восходящих к антропонимам, изначально послужившим основой номинации.

2. Морфемные особенности антропонимов

Перейдем к описанию морфемной организации посессивов, представленных в деловых документах Карелии. К анализу привлекаются номинации, в образовании которых участвовали форманты *-ов/-ев*, *-ин*, *-ск*, *-щина*⁹.

2.1. Форманты *-ов/-ев*, *-ин*¹⁰

Они предельно востребованы в сфере топонимической номинации, имеющей отношение к лицу. В современной официальной топонимии Карелии ойконимы, включающие эти форманты, составляют около 70 %. На территории Заонежья *-ов/-ев*, *-ин* активны в неофициальной топонимии, в названиях бывших населенных пунктов, однако их распространение достаточно неравноное: выделяются ареалы, где названия с данными формантами преобладают, где они сосуществуют с названиями других типов и где модель на *-ов/-ев*, *-ин* фиксируется редко.

⁹ В данной статье мы не рассматриваем ойконимы с посессивными формантами *-ицы*, *-ичи*, поскольку они достаточно подробно, с использованием исторических материалов проанализированы И. И. Муллонен [2002, 84–98].

¹⁰ Посессивы на *-ов/-ев*, *-ин* мы ставим в один ряд, поскольку топонимы с этими формантами переживали сходные процессы.

Таким же неровным в Заонежье было функционирование названий с этими формантами в прошлом. Так, в Кижском и Толвуйском погостах на протяжении нескольких столетий можно видеть лишь незначительное увеличение названий с указанными суффиксами, в Челмужском погосте их количество минимально, а в Шуньгском, напротив, продуктивность модели на разных временных срезах — начиная с первых переписей до XVIII в. — всегда была выше 60 % (см. табл. 6).

Таблица 6

Ойконимы с формантами *-ов/-ев, -ин* в погостах Заонежья, %

Год	Кижский погост	Толвуйский погост	Челмужский погост	Шуньгский погост
1496				85,2
1563	19,0	23,0	28,9	66,2
1583	33,8	33,5	34,0	66,0
1616–1617	36,0			
1620		47,5	11,4	62,0
1628	36,0	48,2	40,5	63,8
1647	39,6	42,7	50,0	71,3
1678	39,6	72,7		
1718				77,6
1720	38,0	40,3	33,3	72,2
1782	46,5	36,4	11,1	
1788	43,2	36,3	12,5	82,4 [КГМ]

Р. Маревич [1989, 125] относит интересующие нас морфемы к новым, сформировавшимся «в последней фазе развития праславянского языка». Н. П. Зверковская [1986, 38], говоря о молодости суффикса *-ов/-ев*, пишет о том, что он мог очень рано «пропитаться <...> значением приименного генитива от названия лица <...> в том числе и в посессивной функции», типичной для большинства образований от названий лиц и, как следствие, распространявшейся на имена лиц или персонифицированных предметов. Она отмечает, что уже в документах XI–XII вв. при таких прилагательных отмечаются лексемы, которые можно рассматривать как т о п о с (место): *краниево мѣсто*, *клавъдиова града*, *лъвова града* [Там же, 39]. Подобным образом и суффикс *-ин* использовался для образования прилагательных, замещающих родительный падеж существительного; функция посессивности при этом также была ведущей, ср.: *бабкины вотчины*, *дѣвкина Тотяницина помѣстье*, *мирошкинъ дворъ*, *вдовицину ниву* [Там же, 45, 47].

Следы альтернации суффиксальных атрибутивов с родительным принадлежностью широко представлены в памятниках письменности Карелии, ср. пример по Толвуйскому погосту: 1563 г. — д. на Толвуге: (в) **Якуш Сусло**; 1583 г. — д. на Толвуге **Якова Сухова**; 1620 г. — д. на Толвуге **Якова Суслова**; 1628–1629 гг. — д. на Толвуге **Якова Суслова**, а Даниловская в слободе; 1647 г. — д. на Толвуге **Якова Суслова**, Даниловская тож [Витов, Власова, 1974, 28].

Названия с рассматриваемыми формантами в косвенных падежах получают окончания субстантивов (кроме творительного падежа), ср. «нестандартные» записи в Писцовой книге Обонежской пятины 1563 г.: *пашет еи наездом Федосейко с Ермолины деревни*, пог. Оштинский [Витов, Власова, 1974, 228]; *пашет наездом Июдка да Власко Селивановы из деревни из Кипровы*, пог. Оштинский [Там же, 233]; *и та деревня придана Якушу Борисову в потог в Чюеву деревню*, пог. Водлозерской [ПКОП, 175]; поч. *выставлен ис Кукаревы деревни*; пог. Важенский [Там же, 100].

В то же время этот процесс не является устоявшимся. По крайней мере, в частно-деловой письменности XVII в. в подаче номинаций наблюдается грамматический разнобой — в одной и той же падежной форме фиксируются окончания то существительных, то прилагательных, ср. в родительном падеже: *Самсоновой деревни, деревни Курьиной, Оданцовой, Соловаровой, Гладьниевой, Новоселовой, Фоминой — деревни Кангасовы, Иевлевы — деревни Онасова, Колова, Ножева, Мечева*; в предложном падеже: *на Лукиной пустоши — на Иванове острове, в деревне Кангасове — в деревни Кангасовы — в деревнях на Коловом, на Ножевом*.

Что касается генитивной формы, четко соотносимой с владельцем, то она в ряде случаев нивелируется, особенно при устранении личного имени из многокомпонентного наименования. Как следствие, бывшая форма — типа *деревня (кого? чья?) Суслова* — в семантико-грамматическом плане преобразуется в атрибутивную относительную номинацию, согласующуюся со словом *деревня*, — *деревня (какая?) Суслова*. При этом теряется значение конкретной личной принадлежности и указания на индивидуального владельца, наличие же слова *деревня*, которое было необходимым элементом официально-делового стиля, поддерживает и сохраняет формы на *-а*.

Следующая ступень трансформации номинаций с формантами *-ов/-ев, -ин* связана с субстантивацией, возникновением форм названий на *-о* со специфическим топонимическим значением места [Варникова, 1999, 131, со ссылкой на А. М. Селищева]. Использование этого форманта приводит к рассогласованности по роду между названием географической реалии и соотносимым с ней посессивным названием, потере значения индивидуальной принадлежности, отношения к конкретному лицу: *деревня (ж. р.) Лембитово* (по ср. р.); *починок (м. р.) на усть Вежсене реки Попково* (по ср. р.). В данном случае актуально утверждение Ю. А. Карпенко о том, что «старые суффиксы прилагательных *-ов, -ин*

фактически превратились в пределах топонимии в суффиксы существительных, так как топонимы с этими суффиксами субстантивировались и, сохранив нечленное склонение, полностью оторвались от прилагательных» [Карпенко, 1966, 13].

Кроме того, согласимся с Е. Н. Ивановой в том, что дополнительным показателем процесса субстантивации и десемантизации суффиксов *-ов/-ев, -ин* является препозиционное положение номенклатурных слов (деревня, пустошь, починок) по отношению к посессиву [Иванова, 2012, 177–178].

О том, что модель на *-о* была в активе XV в., свидетельствуют 62 топонима, отмеченные в Писцовой книге Обонежья 1496 г. Преимущественно такие названия фиксируются в южной части пятины, в погостах Михайловский в Озерах (14 названий), Никольский Готслав волок (29), в Егорьевском в Коигушах, Пелушском, Веницком (по одному названию). Ср. примеры по Шуньгскому и Вытегорскому погостам, извлеченные из таблиц М. В. Витова и Писцовой книги Обонежской пятины 1496 г.: пог. Шуньгский — д. *Куздосово, Рогачево, Курниково, Лембитово, Вачуево Гричковская, Волосово, Илютино, Кузнецово, Сипуево* [Витов, 1962, 229, 231, 233, 241, 243, 249, 269, 283], а также д. *Стогово, Кягреево селга, Нагреево, Рогчево*, [ПКОП, 2, 3, 4]; пог. Вытегорский — д. *на Тагжаме Горошково, д. Питиево* [Там же, 11, 15].

Однако, даже имея в распоряжении эти данные, нельзя с уверенностью сказать, какой именно формант присоединялся к антропонимической основе: производная посессивная морфема *-ово* или *-ов + -о*, где *-ов* является составной конечной частью основы патронима. Поэтому следует согласиться с мнением М. В. Горбаневского и Е. Н. Варниковой, согласно которому при выделении суффиксов в ойконимах необходимо учитывать данные об основе посессива, этимоне, легшем в основу названия [Горбаневский, 1979, 129–131; Варникова, 1999, 131–132]. Если производящей основой являлось личное имя или прозвище, следует говорить о модели с производным формантом *-ово*: д., *что была пустошь Титовщина у лисьих норок: (в) Пятка Савостьянов* (1620 г.) — д. *Пятаково* (1720 г.), пог. Шуньгский [Витов, 1962, 230–231]. Если же производящей основой являлся патроним, то суффиксы *-ов/-ев, -ин* входили в основу патронима, к которой присоединялась флексия *-о*: д. *за рекою Гин-наволок: (в) Микифорко Иванов Деригузов* (1496 г.) — д. *Гин-наволок, а Деригузово тож* (1628 г.), пог. Шуньгский [Там же, 229].

Представление таких названий в документах разных лет отличалось нестабильностью в выборе финалей. Так, в Шуньгском погосте названия на *-ово*, относящиеся к 1496 г. (д. *Куздосово, Рогачево, Сипуево* и др.), фиксируются далее, даже в XVIII в., в форме на *-ова*, ср.: *Куздосова* (1720 г.), *Рогочева* (1563, 1628, 1647 гг.), *Сипуева* (1583, 1620, 1628 гг.). Если взять крайнюю временную точку исследуемых документов по этому погосту (1720 г. и [КГМ]), то картина по использованию формантов также мозаичная, хотя преобладают топонимы на *-а*: *-ова* (25), *-ева* (6), *-ина* (7), ср. при этом *-ово* (10), *-ино* (1).

Возможно, этот процесс сдерживали ойконимы, включающие имя и патроним первопоселенца, владельца земельных угодий в генитиве (типа д. *на Кажме Гридки (Гришки) Фролова* (1583, 1620, 1628, 1647 гг.) [Витов, 1962, 250–251]; д. у *зимника (ж) Иванка (Ивашки) Денисова* (1583, 1620, 1628, 1647 гг.) [Там же, 247]) или даже содержащие отыменный адъективный компонент и патроним также в родительном падеже (типа д. *Васильевская Никонова на Путкоозере*) (1583, 1620, 1628, 1647 гг.) [Там же, 269]; таких примеров по Шуньгскому погосту около 30.

Любопытно, что и в первой четверти XX в. — при функционировании большого количества названий на *-о* — достаточно часто фиксируются номинации типа *Аксеньева, Басина, Скоморохова, Фешкова, Шелойникова* (Шуньгский р-н, Шуньгский пог.) [СНМ, 1926, 84], *Деригузова, Ергачева, Завьялова, Лотакова, Мишкарева, Могучева, Нестерова, Пахомова* (Деригузовский с/с, Шуньгский пог.) [Там же, 85] и др. Не исключено, что они сохранялись как результат согласования со словом *деревня*.

2.2. Посессивы с формантом *-ск-*

Параллельно с вхождением в топонимию суффиксов *-ов/-ев, -ин* в Заонежье шел словопроизводственный процесс с использованием форманта *-ск-*, ср. примеры по Шуньгскому погосту [Витов, 1962, 240–241]:

1496 г. — д. *за рекою на Валгоме озере: (в) Ларионин Мелгуев;*

1563 г. — д. *за рекою на Валгоме-озерки Мелгуевская;*

1583 г. — д. *за рекою на Валгоме озерке Мелгуевская;*

1620 г. — д. *над рекою на Валгоме озерке Мелгуевская;*

1628 г. — д. *за рекою на Валгоме озерки Мелгуевская;*

1647 г. — д. *за рекою на Валгоме озерке Мелгуевская.*

При последовательном присоединении суффикса *-ск-* к антропооснове вырабатывается модель с производными формантами *-овск-/-евск-, -инск-*, которые совмещали значения категориальной принадлежности и отнесенности. Ср. в табл. 7 частичную выборку примеров из сопоставительных таблиц М. В. Витова [1962] по Шуньгскому погосту.

Можно предположить, что при таком временном разрыве существовал отпатронимный этап, однако есть немногочисленные примеры присоединения производного форманта к имени или названию лица с наименьшим временным периодом образования топонима, ср.: д. *в Кевтине губе словет Кузнецовская: (в) Есипко Офромеев кузнец*, 1563 г. [Витов, 1962, 251]; поч. *Огафоновский: (в) Огафонко Васильев Медведев*, 1563 г. [Там же, 253]. Другим доказательством существования такой словообразовательной модели являются случаи, когда в названии поселения сохраняется двухкомпонентное именование бывшего владельца, ср.: в 1496 г. — поч. *тут же на Вагом озерке поставлен после писма: (в) Васюк Ларионов*, а в 1563 г. — поч. *старый на Валгоме озерки Васюковской след Ларионова* [Там же, 241]. Примеры, подобные последнему, как раз отражают востребованность моделей номинации, использующих производные морфемы.

Таблица 7

Посессивные определения с суффиксами *-овск-, -инск-*

1496	1563
д. Сокольнич след: (в) <i>Давытко</i> да его дети	д. Сокольнич след словет <i>Давыдовская</i>
д. Ваглоба на Шуньге озерке: (в) <i>Гридка овчинник</i>	д. в Валгиницах на Шуньге озерке <i>Овчинниковская</i>
д. Нагрева: (в) <i>Окатик</i> да его сын <i>Микифорко</i> , да <i>Фомка</i> , да <i>Лука</i>	д. <i>Каргеево</i> словет <i>Фоминская</i>
поч. после писма у Региматки: (в) <i>Мануха Гридин</i>	поч. старой у Региматке <i>Манухинской</i> след
д. на Тепозерке: (в) <i>Васка Шестник</i> да его дети	д. на Терп озери <i>Шестниковская</i>
д. Заполье села после писма: (в) <i>Ивашко Ус</i>	д. Заполье словет <i>Усовская</i> у мосту
д. Новинка на Корхъ: (в) <i>Гридка Фофанов</i> да сын его <i>Окатко</i>	д. Новинка на Корбей словет <i>Окатовская</i> над Валгом озером

Приведем еще несколько примеров, доказывающих, что топонимические номинации на *-ск-* в соединении с формантами *-ов/-ев-, -ин-*, отмеченные в большом количестве в памятниках Карелии, позволяют реконструировать прежде всего личное имя, — см. табл. 8.

Таблица 8

Примеры реконструкции антропонимов от посессивных номинаций на *-ск-*

Посессивные номинации	Производящий антропоним
1563	
д. <i>Артуковское Оксентьевская</i> , пог. Важенский [ПКОП, 95]	* <i>Артюк Оксентьев</i>
д. <i>Демеховская Терехова</i> , пог. Мегрежский [ПКОП, 214]	* <i>Демех Терехов</i>
д. <i>Ларивоновская Панкратова</i> , пог. Пиркинический [ПКОП, 75]	* <i>Ларивон Панкратов</i>
д. <i>Ондрейковской</i> след <i>Турбасова</i> , пог. Челмужский [ПКОП, 166]	* <i>Ондрейко Турбасов</i>
д. <i>Федковская Гаврилова</i> , пог. Остречинский [ПКОП, 107]	* <i>Федка Гаврилов</i>

Окончание табл. 8

Посессивные номинации	Производящий антропоним
1582	
д. <i>Аврамовская Иванова</i> , пог. Оштинский [Чернякова, 1993, 313]	* <i>Авраам Иванов</i>
пуст., что была деревня на Низу <i>Богдановская Якимова</i> , пог. Вытегорский [Чернякова, 1993, 276]	* <i>Богдан Якимов</i>
д. в <i>Каковичах</i> у часовни <i>Борисовская Наумовская</i> , пог. Важенский [Там же, 94]	* <i>Борис Наумов</i>
д. <i>Ивановская Баранова</i> , пог. Остречинский [Там же, 126]	* <i>Иван Баранов</i>
д. <i>Микитинская Алкуева</i> , пог. Пиркинический [Там же, 82]	* <i>Микита Алкуев</i>
пуст., что была деревня <i>Панфиловская Васильева</i> , пог. Выгозерский [Там же, 204]	* <i>Панфил Васильев</i>
пуст., что была деревня на Чюеве наволоке <i>Якушевская Борисова</i> , пог. Водлозерский [Там же, 212]	* <i>Якуш Борисов</i>
1627–1629 гг. — Шуньгский погост	
д. на Волк остров <i>Ивановской Хромцова</i> [Коновалов, 2004, 87]	* <i>Иван Хромцов</i>
д. на Волкострову <i>Ивановская Бессоновская</i> [Там же]	* <i>Иван Бессонов</i>
д. <i>Матфеевская Коробейникова</i> [Там же, 55]	* <i>Матфей Коробейников</i>
д. <i>Степановская Омельянова</i> в той же губе у часовни [Там же, 56]	* <i>Степан Омельянов</i>
д. Большой Двор <i>Федоровская Остафьева</i> [Там же, 51]	* <i>Федор Остафьев</i>
1646 г. — Кижский погост	
д. на Кижском острове <i>Кирчевская Трофимовская</i> [Там же, 85]	* <i>Кириша Трофимов</i>

Такие номинации географических объектов сохраняют значение индивидуальной принадлежности и являются ярким свидетельством того, что именно личное имя (или прозвище, выполняющее функцию личного имени) в исследуемый период продолжало оставаться основной антропонимической единицей с самой сильной позицией номинативного центра.

Предварительные подсчеты показывают, что названия, содержащие как «чистый» формант *-ск-*, так и его производные с *-ов/-ев*, *-ин*, достаточно продуктивны в памятниках письменности, хотя на отдельных территориях уступают

место названиям с другими формантами: см., например, в табл. 9 показатели по Шуньгскому погосту в сравнении с данными по другим погостам Заонежья (см. также данные табл. 6).

Таблица 9

Ойконимы с формантом *-ск-*, %

Год	Кижский погост	Тольвуйский погост	Челмужский погост	Шуньгский погост
1496				25,9
1563	77,4	81,8	50,0	52,3
1583	66,2	41,7	48,8	41,7
1616–1617	68,0			
1620		68,7	48,6	42,1
1628	67,2	68,3	51,4	37,0
1647	72,0	61,5	70,0	36,78
1720	70,6	58,0	66,6	9,7
1782	64,0	62,7	55,5	
1788	60,2	69,6	75,0	10,8 [КГМ]

Отметим, что представленные количественные соотношения в целом соответствуют современному состоянию распространения номинаций с данным формантом.

Посессивные номинации с указанными формантами также подвергаются рассогласованию, ср.: д. на *Шуе Намовское*, пог. Шуерецкий [ПКОП, 116], поч. *Осифофское*, пог. Шуерецкий [Там же, 117]; поч. на *Урмо-озери Залеское*, пог. Шальский [Там же, 169]; д. *Микитинское*, пог. Остречинский [Там же, 108]; д. на *усть Свери словоет Артеевское*, пог. Оштинский [Там же, 227]; д. в *Наволотцком Трофимковское*, пог. Мегрежский [Там же, 213]; д. на *Ундо-озере Карпиковское*, пог. Мегрежский [Там же, 215]; д. в *Шеменицах Демеховское*, пог. Важенский [Там же, 95]. В погостах на Заонежском полуострове такие названия единичны (три в Кижском погосте и одно — в Шуньгском), редки и в других погостах: Оштинский — девять, Андомский — шесть, Вытегорский, Мегрежский, Остречинский — по четыре, Важенский, Водлозерский — по три, Шуерецкий — два. Несколько больше таких иллюстраций (39) в документах 1583 г. Причиной рассогласованности у названий с *-ск-* следует признать действие аналогии (влияние топонимов на *-ово/-ево, -ино*) [Иванова, 2012, 179].

Еще одна особенность, общая для моделей с формантами *-ов/-ев, -ин* и *-ск-*, — это их заменяемость в структуре слова, неустойчивость. Приведем пример

из [Витов, 1962, 254–255], отражающий большинство описанных процессов: образование топонимической номинации, ее изменчивость на морфемном и компонентном уровнях, появление рассогласованности, вариативность названий, замену морфем:

1563 г. — д. на нивицах же: (в) Куземка да Беляйка **Пахомовы**;

1583 г. — д. на нивицах же **Пахомовская** Куземки да Беляйка **Пахомовых** на нивицы конец Ажаб губы;

1620 г. — д. на нивицах **Пахомовская** Куземки да Белака Ефимовых на нивицы конец Жаб губы;

1628 г. — д. на нивицах **Пахомовская** на Жаб-губе;

1647 г. — д. на нивицах **Пахомовское** на Жаб-губе;

1718 г. — д. **Пахомова**;

1720 г. — д. **Пахомовское**;

[КГМ] — д. **Пахомово**.

2.3. Посессивы с формантом *-щина*

Они также фиксируются в ономастической системе прошлого. Суффикс *-щина* относится к поздним восточнославянским топонимическим формантам, имевшим значение «отношение поселения к роду, семье»¹¹, ср.: 1563 г. — д. на *Холопье стороны у Большого двора: (в) Дорошко Яковлев Кривой да Олиско Ондреев Олехов*; 1583 г. — д. *Олеховщина на Путкоозере*; пог. Шуньгский [Витов, 1962, 277]. Появление географических названий на *-щина* связано прежде всего с московским влиянием, поскольку их количество очень незначительно в древней новгородской географической номенклатуре [Сими́на, 1980, 32].

Модель на *-щина* нельзя считать продуктивной и для территории Карелии XV–XVIII вв., особенно на фоне топонимов с рассмотренными выше формантами. В документах 1563, 1583, 1616–1617 гг. таких названий поселений соответственно 38, 46 и 53. Самым «представительным» по числу номинаций на *-щина* является Пиркинический погост (от 12 до 14 названий в разные годы). В большей части Карелии такие топонимы отмечены спорадически, а в Водлозерском, Вытегорском, Оштинском и Шуерецком погостах отсутствуют. Незначительно количество названий с формантом *-щина* и в погостах Заонежского полуострова — см. табл. 10.

Модель на *-щина* востребована в современной топонимии (большей частью в микротопонимии) [Приображенский, 2013, 89–91], однако каков в Карелии процент таких номинаций относительно посессивов с другими формантами, неясно. Вероятно, исторически этот процент шел в сторону увеличения,

¹¹ Данный формант не всегда сопровождал именную производящую базу, ср.: *пуст., что была д. На Сязозере на Масленом наволоке Выморовщина в Рухолахте*; пог. Олонекский, 1616–1619 гг. [Чернякова, 2019, 36].

поскольку модель усвоена карельской и вепсской ойконимией [Муллонен, 1994, 16; Кузьмин, 2003, 63–68].

Таблица 10

Численность топонимов на -щина в Заонежских погостах

Год	Кижский погост		Толвуйский погост		Челмужский погост		Шуньгский погост	
	Число	Процент	Число	Процент	Число	Процент	Число	Процент
1563	7	6,0 %	6	5,0 %	2	5,2 %	2	3,0 %
1583	6	4,5 %	5	2,7 %	2	4,8 %	9	8,7 %
1616–1617	5	4,0 %	1	0,5 %			13	11,4 %

Формант *-щина*, фигурирующий в памятниках письменности, также обрастал дополнительными компонентами, формируя модель на *-овщина/-евщина, -инщина*, ср. пог. Шуньгский: 1496 г. — д. в *Кефтене ж наволоке: (в) Марко да брат его Фетко* и 1563 г. — д. на *Кифтине ж губе слово Марковицына* [Витов, 1962, 250–251]; 1496 г. — д. на *Холопье же стороне у большого двора: (в) Зеновко* и 1583 г. — пуст., что была д. *Зехновщина* [Там же, 276–277]; 1496 г. — д. на *Холопье же стороне от Большого двора: (в) Труфанко Игнатьев Ведерников* и 1583 г. — пуст., что была деревня *Ведерниковщина*; 1496 г. — д. на *Жаб наволоке: (в) Макарик да Ларионик Кожины* и 1620 г. — д. на *Жаб наволоке Кожинская на Жаб губе Макаровщина тож* [Там же, 261]; 1496 г. — д. на *Хоймове ж губе: (в) Климко да Спирко* и 1718 г. — д. *Спировщина*; пог. Толвуйский: 1563 г. — д. на *Падме озере в Тагсолушки: (в) Энтрош Ботва* и 1628 г. — д. *Ботвинщина* [Витов, Власова, 1974, 32]; 1628 г. — д., что была пуст. *Онисимка да Ондрейка* и 1718 г. — д. *Анисимовщина* [Там же, 232].

Названия на *-щина* могут находиться в вариативном соединении с названиями, оформленными другими суффиксами, ср.: пуст., что была д. *Клеково, а Клековщина тож* [Чернякова, 2019, 223]; д. *Перговщина, а Пергово тож*, 1616–1619 гг.; пог. Пиркиничский [Там же]; д. *Вяжневщина, а Вяжлово тож* [Там же].

Формант *-щина* подвергался замене другими суффиксами, что отражало потерю первоначальных семантических установок морфем и развившуюся как следствие индифферентность в их выборе, ср. примеры из таблиц В. М. Витова [1962, 262–263]:

1496 г. — д. на *Хоймове ж губе: (в) Климко да Спирка*;

1563 г. — д. *Хоймове ж губе*;

1583 г. — пуст. на *Хоймож губе Васюка Фадеева Юхнова Спиркова на Путко озере, а в ней жил Харя Спиров*;

1620 г. — д. *Хоймо ж губе Васюха Фадеева Юхнова Спиркова на Путке озере*;

1628 г. — д. на Хоймове ж губе Васюка Федосеева Юхнова Спирково на Путке озере;

1647 г. — д. на Хомове ж губе Васюка Федюева Юхнов Спирково на Путко ж озере;

1718 г. — Спировщина;

1720 г. — Спировская;

[КГМ] — Спировщина.

Выводы

Таким образом, памятники письменности содержат большую фактологическую базу по бытованию отантропонимических образований в старорусский период и демонстрируют, что посессивность имела достаточно широкое функциональное поле.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что для номинации поселений в делопроизводственных документах использовались структурные единицы различного наполнения — от одно- до многокомпонентных моделей. Этот «разнобой» не отражает объективную картину функционирования посессивных ойконимов в прошлом, а представляет искусственное переплетение элементов локативного и посессивного характера или констатирует отношение поселения к нескольким владельцам, которое было закреплено писцами в структуре многословной номинации. Деятельность писцов в представлении географического объекта является в данном случае решающей. В конце XVII — начале XVIII в. в документах редуцируются элементы, которые не были характерны для реальной ономастической системы, и в ней остается самый сильный, наиболее употребительный посессив. Этот выбор не связан с языковыми причинами. Однако если многокомпонентная номинация включала посессивные и локативные элементы, то нивелировались прежде всего локативы, поскольку закрепленность, связь с лицом (владельцем) оказывалась более важной, чем указание на место расположения поселения.

Посессивы строятся по топонимическим моделям с использованием русских морфем. Наиболее востребованы форманты *-ов/-ев, -ин, -ск-*, в меньшей степени — *-щина, -ичи, -ицы*. Анализ функционирования посессивов на разных хронологических срезах позволяет выявить их семантико-грамматическую эволюцию. Модели на *-ов/-ев, -ин* трансформируются из генитивных номинаций и притяжательных прилагательных в субстантивы, у которых при этом изменяется внешний облик посессивной морфемы. Процесс субстантивации и десемантизации затрагивает также номинации с формантом *-ск-*.

До XVIII в. наблюдается неустойчивость в выборе форманта при одной производящей основе. В дальнейшем происходит закрепление посессивной морфемы за производящей основой и определяются ареалы с предпочтительной формантной моделью.

Источники

- Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1962.
- Витов М. В., Власова И. В.* География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М. : Наука, 1974.
- Воробьева С. В.* Деревни Кижской волости в XVI–XX вв. (по архивным источникам) // Церковь Преображения Господня на острове Кижь : 300 лет на заонежской земле : сб. ст. / сост. И. В. Мельников. Петрозаводск : Изд. центр музей-заповедник «Кижь», 2014. С. 229–256.
- КГМ — Карта Генерального межевания // Картографическая справочно-информационная система «Генеральное межевание Олонецкой губернии». URL: <http://maps.karelia.ru/mez/>
- Коновалов И. А.* Писцовые и переписные книги Заонежья XVII века : Материалы к истории Заонежья. [Б. м.] : [б. и.], 2004.
- Либерзон, 1990 — Акты социально-экономической истории Севера России конца XV — XVI в. Акты Соловецкого монастыря, 1572–1584 гг. / сост. И. З. Либерзон. Л. : Наука, 1990.
- Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С.* Свод топонимов Заонежья / под ред. А. С. Герда. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2013.
- Мюллер, 1948 — Карелия в XVII веке : сб. документов / сост. Р. Б. Мюллер ; под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948.
- ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины: 1496 и 1563 гг. : Материалы по истории Карельской АССР / под общ. ред. М. Н. Покровского. Л. : Изд-во АН СССР, 1930.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).
- СНМ — Список населенных мест Карельской АССР (По материалам переписи 1926 года). Петрозаводск : Изд. Стат. Управл., 1928.
- Чернякова И. А.* Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 гг.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / ред. И. А. Чернякова, К. Катаяла. Петрозаводск ; Йоэнсуу : КарНЦ РАН, 1993. С. 35–341.
- Чернякова И. А.* История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. 4 : Писцовые книги Заонежских погостов 1616–1619 гг. : в 2 ч. Ч. 1 : Церковное и поместное землевладение. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2019.
- Чернякова И. А.* История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. 4 : Писцовые книги Заонежских погостов 1616–1619 гг. : в 2 ч. Ч. 2 : Дворцовое и черносошное землевладение. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2020.

Исследования

- Варникова Е. Н.* Антропоонимы Среднего Посухонья // Русская региональная лексикология и лексикография / отв. ред. О. И. Новоселова. Вологда : Русь, 1999. С. 125–136.
- Васильева Т. Ю.* Объем и структура семантического поля «местожительство» в ойконимии Белорусского Поозерья // Весці БДПУ. Сер. 1. 2013. № 4. С. 46–49.
- Витов М. В.* Севернорусские топонимы XV–XVII вв. (К постановке топонимического источниковедения) // Вопросы языкознания. 1967. № 4. С. 75–90.
- Герд А. С.* К истории образования говоров Заонежья // Севернорусские говоры / отв. ред. Н. А. Мещерский, А. С. Герд. Вып. 3. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. С. 206–213.
- Горбаневский М. В.* Лексико-семантический и словообразовательный анализ русской ойконимии (междуречья рр. Оки, Москвы и Нары) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Рос. ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы. М., 1979.
- Зверковская Н. П.* Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI–XVII вв. М. : Наука, 1986.
- Иванова Е. Н.* Формирование топонимической модели на *-овск/-евск* в русском языке (на материале деловой письменности Белозерья конца XIV — XV в.) // Ономастика Поволжья : материалы

- XIII Междунар. науч. конф. / под ред. В. В. Разумова, В. И. Супруна. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012. С. 176–180.
- Иванова Е. Н.* К проблеме структурной типологии древнерусских топонимов (на материале деловой письменности Белозерья конца XIV — XV в.) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 3. С. 150–153.
- Иванова Е. Н.* Ономастическое морфообразование в монастырской деловой письменности Белозерья конца XIV — XV в. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2017. № 4. С. 171–174.
- Карпенко Ю. А.* Становление восточнославянской топонимии (закономерности словообразования) // Изучение географических названий / отв. ред. Э. М. Мурзаев, В. А. Никонов. М. : Географгиз, 1966. С. 7–18.
- Кузьмин Д. В.* Истоки форманта *-sina* в карельской топонимии // Прибалтийско-финское языкознание : сб. ст., посвящ. 80-летию Г. М. Керта / науч. ред. Н. Г. Зайцева и др. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2003. С. 63–68.
- Мароевич Р.* К реконструкции праславянской системы посессивных категорий и посессивных производных // Этимология. 1986–1987 / отв. ред. О. Н. Трубачев. М. : Наука, 1989. С. 121–139.
- Мароевич Р.* Методологические вопросы реконструкции древнеславянских топонимов (деривационно-семантический и деривационно-фонетический аспекты) // Ономастика та этимология : зб. наук. праць на честь 65-річчя І. М. Желзняк / відп. ред. О. П. Карпенко. Київ : [б. в.], 1997. С. 151–169.
- Матей Л. П.* Русская ойконимия с точки зрения семантической и структурной эволюции // Формирование и развитие топонимии : сб. науч. тр. / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск : УрГУ, 1987. С. 44–58.
- Михайлова Л. П.* Развитие грамматической структуры топонимов на территории Карелии // Проблемы русской ономастики / отв. ред. Л. Я. Маловицкий. Вологда : ГПИ, 1985. С. 51–61.
- Монзикова Л. Н.* Топонимия Вологды и ее окрестностей : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Вологод. гос. пед. ун-т. Вологда, 2004.
- Муллонен И. И.* Очерки вепской топонимии. СПб. : Наука, 1994.
- Муллонен И. И.* Об одной древнерусской ойконимной модели в Присвирье и Обонежье // Язык: история и современность : сб. науч. ст., посвящ. 60-летию А. С. Герда / ред. В. В. Богданов и др. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. С. 109–120.
- Муллонен И. И.* Суффиксальные модели в топонимии Присвирья // Севернорусские говоры / отв. ред. А. С. Герд. Вып. 7. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. С. 72–89.
- Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2002.
- Приображенский А. В.* Русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья в историческом аспекте. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013.
- Рогонова Р. С.* Топонимия Брянской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Орлов. гос. пед. ин-т. Орел, 1991.
- Симина Г. Я.* Географические названия (по материалам письменных памятников и современной топонимии Пинежья). Л. : Наука, 1980.
- Смольников С. Н.* Категория посессивности в старорусском языке и проблемы исторической ономастики // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси : межвуз. сб. науч. работ / отв. ред. Ю. И. Чайкина. Вологда : Вологод. гос. пед. ун-т, 2002. С. 5–27.
- Смольников С. Н.* Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005.
- Унбегаун Б. О.* Отчества на *-ич* и их отношение к русским фамилиям // Исследования по славянскому языкознанию : сб. в честь 60-летия проф. С. Б. Бернштейна / отв. ред. Е. В. Чешко. М. : Наука, 1971. С. 280–286.
- Федотова Т. В.* Русская топонимическая система Восточного Забайкалья : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Моск. гос. пед. ун-т. Улан-Удэ, 2012.

Чайкина Ю. И. Способы выражения посессивности в дозорной книге г. Белоозеро 1617–1618 гг. // Русское слово в тексте и словаре / гл. ред. Г. В. Судаков. Вологда : Русь, 2003. С. 110–115.

Рукопись поступила в редакцию 12.04.2020

СОКРАЩЕНИЯ

б. д.	бывшая деревня	поч.	починок
пог.	погост	пуст.	пустошь

* * *

Кюршунова Ирина Алексеевна
 доктор филологических наук,
 доцент кафедры русского языка
 как иностранного
 Института филологии
 Петрозаводский государственный
 университет
 ведущий научный сотрудник сектора
 языкознания
 Институт языка, литературы и истории
 Карельского научного центра РАН
 185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
 E-mail: kiam24@mail.ru

Kyurshunova, Irina Alekseevna
 DrHab, Associate Professor
 Department of Russian as a Foreign Language,
 Institute of Philology
 Petrozavodsk State University
 Leading Research Fellow
 Department of Linguistics
 Institute of Language, Literature and History
 of the Karelian Research Center of the RAS
 11, Pushkinskaya St., 85910, Petrozavodsk,
 Russia
 Email: kiam24@mail.ru
 ORCID: 0000-0002-7232-8756

Irina A. Kyurshunova

Petrozavodsk State University
 Institute of Language, Literature and History,
 Karelian Research Center of the RAS
 Petrozavodsk, Russia

KARELIAN WRITTEN DOCUMENTS AS A SOURCE FOR STUDYING DEANTHROPONYMIC SETTLEMENT NAMES

The paper examines one group of Russian-language place names of Karelia, namely those containing possessive forms of anthroponyms. The study builds on published and manuscript sources representing four Zaonezhsky pogosts (Kizhi, Tolvuisky, Chelmuzhsky, Shungsky) with occasional reference to the materials of other Karelian areas, used for comparative purposes. Another informative source of the historical toponymy of Karelia are the comparative tables of settlement names compiled by Mikhail Vitov and other researchers for the purpose of historical, geographical, and ethnographic description of the region. Together, these data feeds serve to explicate the structural changes in the toponymic system of the region, its historical

variation and standardisation. The author uses cross-sectional approach to show the evolution in the number of name components and the factors of possessive formants choice. It is noted that the scribes played a major role in the way geographical objects were documented, by creating appellations that hardly reflected the real toponymy of the area. As the analysis showed, one of the components of a name (most likely, the possessive element) tended to gain more weight over time due to the change in the residents' vision of the named place. Quantitatively, the share of names motivated by landscape features is considerably less than those referring to the name of the owner or the first settler. However, in terms of word-formation, the choice of possessive elements (*-ov/-ev, -in, -sk-, -shchina*) has been unstable for quite a while. The structural "stability" of this type of toponyms begins at the end of the 17th — early 18th centuries, although the spread of some toponymic patterns of this kind was geographically restricted.

К е у о р д с: Karelia, written documents, historical toponymy, oikonymy, deanthroponymic names, possessives, possessive formants.

Acknowledgements

The study is part of the state assignment carried out by the Karelian Research Centre of the RAS. The author is grateful to *Irma Mullonen* and *Evgenia Varnikova* for their valuable consultations.

- Chaykina, Yu. I. (2003). Sposoby vyrazheniia posessivnosti v dozornoj knige g. Beloozero 1617–1618 gg [Means of Expressing Possessiveness in the Watch Book of Beloozero 1617–1618]. In G. V. Sudakov (Ed.), *Russkoe slovo v tekste i slovare* (pp. 110–115) [Russian Word in the Text and Dictionary]. Vologda: Rus'.
- Fedotova, T. V. (2012). *Russkaia toponimicheskaia sistema Vostochnogo Zabaikal'ia* (Doctoral dissertation summary) [Russian Toponymic System of the Eastern Transbaikal]. Moscow State Pedagogical University, Ulan-Ude.
- Gerd, A. S. (1979). K istorii obrazovaniia govorov Zaonezh'ia [On the History of Zaonezhie Dialects]. In N. A. Meshchersky, & A. S. Gerd (Eds.), *Severnorusskie govory* [North Russian Dialects] (Iss. 3, pp. 206–213). Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta.
- Gorbanevsky, M. V. (1979). *Leksiko-semanticheskii i slovoobrazovatel'nyi analiz russkoi oikonimii (mezhdurech'ia rr. Oki, Moskvy i Nary)* [Semantic and Derivational Analysis of Russian Oikonymy (Interfluvium of the Rivers Oka, Moscow, and Nara)] (Doctoral dissertation). Peoples' Friendship University of Russia, Moscow.
- Ivanova, E. N. (2012). Formirovanie toponimicheskoi modeli na *-ovsk/-evsk* v russkom yazyke (na materiale delovoi pis'mennosti Beloz'er'ia kontsa XIV — XV v.) [Formation of the Toponymic Pattern with *-ovsk/-evsk* Ending in Russian (Based on the Official Writing of Belozerye in the Late 14th–15th Century)]. In V. V. Razumov, & V. I. Suprun (Eds.), *Onomastika Povolzh'ia: materialy XIII Mezhdunar. nauch. Konf.* [Onomastics of the Volga region: Collected Papers of the 14th International Research Conference] (pp. 176–180). Yaroslavl: Izd-vo IaGPU.
- Ivanova, E. N. (2013). K probleme strukturnoi tipologii drevnerusskikh toponimov (na materiale delovoi pis'mennosti Beloz'er'ia kontsa XIV — XV v.) [On the Problem of the Structural typology of Old Russian toponyms (based on the Official Writing of Belozerye in the Late 14th–15th Century)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, 19(3), 150–153.
- Ivanova, E. N. (2017). Onomasticheskoe morfemoobrazovanie v monastyr'skoi delovoi pis'mennosti Beloz'er'ia kontsa XIV — XV v. [Onomastic Morpheme Formation in the Monastic Official Writing of Belozerye in the Late 14th–15th Centuries]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, 4, 171–174.

- Karpenko, Yu. A. (1966). Stanovlenie vostochnoslavianskoi toponimii (zakonomernosti slovoobrazovaniia) [Formation of East Slavic Toponymy (Regularities of Word Formation)]. In E. M. Murzaev, & V. A. Nikonov (Eds.), *Izuchenie geograficheskikh nazvanii* [Place Name Studies] (pp. 7–18). Moscow: Geografiz.
- Kuzmin, D. V. (2003). Istoki formanta *-šina* v karel'skoi toponimii [The Origins of the *-šina* Formant in Karelian Place Names]. In N. G. Zaitseva et al. (Eds.), *Pribaltiisko-finskoe iazykoznanie* [Balto-Finnic Linguistics] (pp. 63–68). Petrozavodsk: KarNTs RAN.
- Maroevich, R. (1989). K rekonstruktsii praslavianskoi sistemy possessivnykh kategorii i possessivnykh proizvodnykh [Towards the Reconstruction of the Proto-Slavic System of Possessive Categories and Possessive Derivatives]. In O. N. Trubachev (Ed.), *Etimologiya. 1986–1987* [Etymology. 1986–1987] (pp. 121–139). Moscow: Nauka.
- Maroevich, R. (1997). Metodologicheskie voprosy rekonstruktsii drevneslavianskikh toponimov (derivatsionno-semanticheskii i derivatsionno-foneticheskii aspekty) [Methodological Issues of Ancient Slavic Toponyms Reconstruction (Derivational Semantics and Phonetics)]. In O. P. Karpenko (Ed.), *Onomastika ta etimologiya* [Onomastics and Etymology] (pp. 151–169). Kyiv: [s.n.].
- Matey, L. P. (1987). Russkaia oikonimiia s tochki zreniia semanticheskoi i strukturnoi evoliutsii [Russian Oikonymy in the Perspective of Semantic and Structural Evolution]. In A. K. Matveyev (Ed.), *Formirovanie i razvitie toponimii* [Formation and Development of Toponymy] (pp. 44–58). Sverdlovsk: UrGU.
- Mikhailova, L. P. (1985). Razvitie grammaticheskoi struktury toponimov na territorii Karelii [Development of the Grammatical Structure of Toponyms in the Territory of Karelia]. In L. Ya. Malovitsky (Ed.), *Problemy russkoi onomastiki* [Problems of Russian Onomastics] (pp. 51–61). Vologda: GPI.
- Monzikova, L. N. (2004). *Toponimiia Vologdy i ee okrestnostei* [The Toponymy of Vologda and its Vicinities] (Doctoral dissertation). Vologda State Pedagogical University, Vologda.
- Mullonen, I. I. (1994). *Ocherki vepsskoi toponimii* [Essays on Veps Toponymy]. St Petersburg: Nauka.
- Mullonen, I. I. (1996). Ob odnoi drevnerusskoi oikonimnoi modeli v Prisivir'e i Obonezh'e [On One Old-Russian Oikonymic Pattern in the Svir and Obonezh Regions]. In V. V. Bogdanov et al. (Eds.), *Yazyk: istoriia i sovremennost'* [Language: History and Modernity] (pp. 109–120). St Petersburg: Izd-vo SPbGU.
- Mullonen, I. I. (1999). Suffiksals'nye modeli v toponimii Prisivir'ia [Suffix Derivation Patterns in the Svir Region Toponymy]. In A. S. Gerd (Ed.), *Severnorusskie govory* [North Russian Dialects] (Iss. 7, pp. 72–89). St Petersburg: Izd-vo SPbGU.
- Mullonen, I. I. (2002). *Toponimiia Prisivir'ia: problemy etnoiazykovogo kontaktirovaniia* [Toponymy of the Svir Region: Problems of Ethnolinguistic Contacts]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU.
- Priobrazhensky, A. V. (2013). *Russkaia toponimiia Karel'skogo Pomor'ia i Obonezh'ia v istoricheskom aspekte* [Russian Toponymy of the Karelian Pomorie and Obonezhye in the Historical Aspect]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU.
- Rogonova, R. S. (1991). *Toponimiia Brianskoi oblasti* [Toponymy of the Bryansk Region] (Doctoral dissertation). Orel State Pedagogical Institute, Orel.
- Simina, G. Ya. (1980). *Geograficheskie nazvaniia (po materialam pis'mennykh pamiatnikov i sovremennoi toponimiki Pinezh'ia)* [Geographical Names (Based on the Materials of Written Monuments and Modern Toponymy of the Pinega Region)]. Leningrad: Nauka.
- Smolnikov, S. N. (2002). Kategoriia possessivnosti v starorusskom yazyke i problemy istoricheskoi onomastiki [The Category of Possessiveness in the Old Russian Language and the Problems of Historical Onomastics]. In Yu. I. Chaikina (Ed.), *Istoriia russkogo slova: Onomastika i spetsial'naiia leksika Severnoi Rusi* [History of the Russian word: Onomastics and the Functional Vocabulary of Northern Russia] (pp. 5–27). Vologda: Vologod. gos. ped. un-t.
- Smolnikov, S. N. (2005). *Antroponimiia v delovoi pis'mennosti Russkogo Severa XVI–XVII vv.: Funktsional'nye kategorii i modal'nye otnosheniia* [Personal Names in Official Writing of the Russian North of the 14th–17th Centuries: Functional Categories and Modality]. St Petersburg: Izd-vo SPbGU.

- Unbegaun, B. O. (1971). Otchestva na *-ich* i ikh otnoshenie k russkim familiiam [Patronymic Names Ending in *-ich* and their Relation to Russian Surnames]. In E. V. Cheshko (Ed.), *Issledovaniia po slavianskomu iazykoznaniiu* [Studies in Slavic Linguistics] (pp. 280–286). Moscow: Nauka.
- Varnikova, E. N. (1999). Antropooikonimy Srednego Posukhon'ia [Deanthroponymic Oikonyms of the Middle Posukhonye]. In O. I. Novoselova (Ed.), *Russkaia regional'naia leksikologiya i leksikografiia* [Russian Regional Lexicology and Lexicography] (125–136). Vologda: Rus'.
- Vasilyeva, T. Yu. (2013). Ob'em i struktura semanticheskogo polia "mestozhitel'stvo" v oikonimii Belorusskogo Poozer'ia [The Volume and Structure of the Semantic Field "Residence" in the Oikonymy of the Belarusian Poozerye]. *Vesti BDPU, Ser. 1*, 4, 46–49.
- Vitov, M. V. (1967). Severnorusskaia toponimiia XV–XVII vv. (K postanovke toponimicheskogo istochnikovedeniia) [North Russian Toponymy of the 15th–17th Centuries (On the Formation of Toponymic Source Studies)]. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 75–90.
- Zverkovskaya, N. P. (1986). *Suffiksai'noe slovoobrazovanie russkikh prilagatel'nykh XI–XVII vv* [Suffixal Formation of Russian Adjectives in the 11th–17th Centuries]. Moscow: Nauka.

Received on 12 April 2020